

На правах рукописи

Стешич Елена Сергеевна

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ПРИЧИНЕНИЕМ СМЕРТИ**

12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Краснодар – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Официальные оппоненты: **Антонян Юрий Миранович**,
профессор кафедры уголовного права
и уголовного процесса Российского
государственного гуманитарного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации;

Гилинский Яков Ильич,
профессор кафедры уголовного права
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена, доктор
юридических наук, профессор;

Номоконов Виталий Анатольевич,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии Дальневосточного
федерального университета, доктор
юридических наук, профессор

Ведущая организация – Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Защита состоится 4 марта 2020 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 203.017.02 при Краснодарском университете МВД России по адресу: 350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128, корпус «А4», конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Краснодарского университета МВД России.

Полный текст диссертации и автореферат диссертации размещены на официальном сайте Краснодарского университета МВД России по адресу: кргу.мвд.рф

Автореферат разослан «__» ноября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Грибанов Евгений Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. На международном уровне и в законодательстве Российской Федерации право на жизнь закрепляется первым в перечне наиболее охраняемых ценностей (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, ст. 2, 20 Конституции РФ), а повышение качества жизни, укрепление здоровья и снижение смертности населения указаны в числе стратегических национальных приоритетов¹. Но правовые требования и действительность нередко расходятся. Такие «ножницы», к сожалению, имеют место и в сфере реальной охраны высшей конституционной ценности – человеческой жизни.

Как следует из доклада, подготовленного Управлением ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) «Глобальное исследование по проблеме убийств – 2019», несмотря на снижение зарегистрированных деяний во всем мире (464 тыс. человек, или 6,1 убийств на 100 тыс. населения, в 2017 году), число их жертв растет (в период с 2015 по 2017 год – на 4%). УНП ООН предупреждает о том, что если международное сообщество не предпримет решительных шагов, то цели устойчивого развития, направленные на существенное сокращение всех форм насилия и связанных с ним показателей смертности, к 2030 году не будут достигнуты².

Отмеченное относится и к нашей стране. Несмотря на значительное снижение числа погибших от преступных посягательств в России с 2000 по 2018 год (в 3 раза – с 76,7 до 25,9 тыс. человек), вопрос *смертности как результата противоправных действий* остается весьма актуальным в связи с негативными поведенческими факторами: употреблением алкоголя и наркотических средств, агрессивным и неосмотрительным поведением³. Обращает на себя внимание тенденция роста числа смертей от повреждений с неопределенными намерениями (далее – ПНН), которые в настоящее время занимают около 30% от всех внешних причин смерти (в 2018 году – 42,6 тыс. человек). Иными словами, характер и истинные причины смерти десятков тысяч человек, упавших с высоты, утонувших в водоемах, умерших от различных видов механической асфиксии либо от иных травм, остались невыясненными. Если включить в

¹ См., например: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212; Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009; О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 // Российская газета. 2012. 9 мая.

² См.: The Global Study on Homicide 2019. Executive Summary. Vienna: The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), 2019. P. 1. URL: https://dataunodc.un.org/GSH_app.

³ См., например: Смертность от внешних причин в России с середины XX века / науч. ред. и рук. авт. колл. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 72–75, 84–92.

данный перечень погибших, биологическая причина смерти которых не установлена (в 2018 году – 33,1 тыс. человек), то вырисовываются весьма серьезные «криминально окрашенные» цифры – более 75 тыс. смертей, требующих дополнительного внимания со стороны правоохранительных органов.

На этом фоне формируется *статистическая диспропорция*. С одной стороны, в России отмечается значительное сокращение числа зарегистрированных убийств: в 2018 году – 8 574 преступления, что на 17,5% меньше, чем в 2016 году (10,4 тыс.), и в четыре раза меньше, чем в 2001 году (34,2 тыс.). С другой стороны, *количество погибших при подозрительных и невыясненных обстоятельствах растет*, а на начало 2019 года оставались нераскрытыми 86,2 тыс. убийств, 39 тыс. случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, в розыске находились 31,8 тыс. без вести пропавших лиц, в отношении 9,6 тыс. розыск был прекращен в связи с истечением срока давности. В то же время наблюдается другая *диспропорция, связанная с реализацией норм уголовной ответственности за убийство*, что делает наказание за их совершение несправедливым.

Следует также обратить внимание на место нашего государства в мировом рейтинге убийств, разработанном УНП ООН. Россия в нем находится на 181 позиции из 228 (коэффициент 9,2 на 100 тыс. населения)¹, а среди 53 государств, входящих в Европейский регион Всемирной организации здравоохранения, занимает первое место по уровню смертности в результате убийств и нападений².

Вышеизложенное свидетельствует о существовании целого ряда серьезных вопросов, связанных с системой противодействия преступлениям, влекущим смерть человека, что можно считать крупной научной проблемой, решение которой имеет важное значение для правоприменительной практики. Выбор темы исследования определен также особенностями современной российской уголовной политики в части противодействия изучаемым преступлениям.

По мнению автора, отечественная законотворческая практика последних лет заметно нивелировала ценность человеческой жизни. Так, неосторожные преступления, повлекшие гибель нескольких, а нередко десятков и сотен человек, переведены в менее опасную категорию «преступления средней тяжести», а предусмотренное в УК РСФСР 1922, 1926, 1960 годов преступление «неосторожное убийство» в действующем законе получило более «мягкое» наименование – «причинение смерти по неосторожности» с последующим изменением санкции в основном составе с трех до двух лет лишения свободы.

¹ Для расчета отображены 132 страны, по которым имелись актуальные данные (после 2015 года), и 96 стран, показатели которых имелись за период до 2015 года (См.: The Global Study on Homicide 2019. URL: https://dataunodc.un.org/GSH_app).

² См.: Основные показатели здоровья в Европейском регионе ВОЗ: доклад / ООН. Копенгаген, 2018. URL: <http://www.who.int/ru/>

Положение, при котором наблюдается снижение значимости человеческой жизни, не может быть терпимым и требует изменения. Принимая во внимание глобальность обозначенной теоретико-практической проблемы, ее решение не представляется возможным без разработки новых методологических подходов к исследованию широкого спектра причинений смерти, где основополагающее значение приобретают международные стандарты в области защиты прав человека и передовые мировые практики в борьбе с гибелью людей от противоправных действий.

Степень научной разработанности темы. Концептуальная основа изучения преступлений, связанных с причинением смерти, сформулирована в научных трудах таких ученых, как Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, В.В. Бабурин, Ю.Д. Блувштейн, А.И. Бойко, С.В. Бородин, О.Н. Ведерникова, С.В. Векленко, В.В. Векленко, Л.Д. Гаухман, С.И. Герасимов, Я.И. Гишинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, А.И. Долгова, Г.А. Есаков, А.Э. Жалинский, Ю.С. Жариков, И.Э. Звечаровский, Н.Г. Иванов, Л.В. Иногамова-Хегай, Н.Г. Кадников, И.И. Карпец, В.Е. Квашиш, А.Г. Кибальник, М.П. Клеймёнов, И.М. Клеймёнов, Т.В. Клёнова, И.Я. Козаченко, И.Д. Козочкин, В.П. Коняхин, А.И. Коробеев, С.М. Кочои, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Кудрявцев, С.Я. Лебедев, Н.А. Лопашенко, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, В.Д. Малков, В.В. Мальцев, А.И. Марцев, А.А. Матвеева, И.М. Мацкевич, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, А.С. Михлин, З.А. Незнамова, К.В. Ображиев, С.С. Овчинский, Т.В. Пинкевич, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло, М.Л. Прохорова, Ю.Е. Пудовочкин, В.П. Ревин, А.Б. Сахаров, Э.Л. Сидоренко, А.В. Симоненко, О.В. Старков, П.А. Фефелов, В.Д. Филимонов, В.Ф. Цепелев, М.Д. Шаргородский, Д.А. Шестаков, Н.В. Щедрин, В.Е. Эминов, А.М. Яковлев, П.С. Яни и др.

Криминологические и уголовно-правовые аспекты умышленных преступлений, посягающих на жизнь, рассматривались в трудах С.Н. Абельцева, Р.А. Адельханяна, Д.И. Аминова, Е.А. Антонян, О.Р. Афанасьевой, М.В. Бавсуна, Е.В. Безручко, Г.Н. Борзенкова, В.Н. Бурлакова, К.В. Вишневецкого, Б.Я. Гаврилова, С.И. Дементьева, А.Н. Игнатова, А.Н. Ильяшенко, С.М. Иншакова, Э.В. Кабурнеева, О.С. Капинус, В.И. Комиссарова, Д.А. Корецкого, А.Н. Красикова, Н.Е. Крыловой, В.В. Меркурьева, А.В. Наумова, А.С. Никифорова, Г.П. Новоселова, В.С. Овчинского, А.Н. Попова, А.И. Рарога, С.В. Расторопова, Г.И. Чечеля, Р.Д. Шарапова.

Проблемами противодействия неосторожным преступлениям, влекущим смерть человека, в частности, занимались: В.Н. Бурлаков, Б.С. Волков, Р.Р. Галиакбаров, П.С. Дагель, Д.П. Котов, Ю.А. Красиков, В.В. Лукьянов, Н.И. Пикуров, Л.А. Прохоров, А.И. Сирохин, Р.В. Скоморохов, И.М. Тяжкова, М.Г. Угрехелидзе, Б.С. Утевский, И.Г. Филановский, А.И. Чучаев, В.Н. Шиханов, В.А. Якушин.

Особое внимание изучению вопросов причинной связи в преступлениях, посягающих на жизнь, уделяли: Л.А. Андреева, С.Р. Багиров, С.К. Балашов,

Л.А. Зимирева, М.И. Ковалев, А.Ю. Кошелева, В.Н. Кудрявцев, В.Б. Малинин, А.А. Музыка, А.В. Наумов, В.А. Номоконов, А.А. Пионтковский, А.И. Плотников, С.В. Познышев, Л.А. Прохоров, Н.Д. Сергиевский, З.Б. Соктоев, Н.С. Таганцев, А.А. Тер-Акопов, Г.В. Тимейко, А.Н. Трайнин, Т.В. Церетели, М.Д. Шаргородский, Н.Н. Ярмыш, в том числе в судебно-медицинской науке: М.И. Авдеев, В.И. Акопов, И.Г. Вермель, И.В. Давыдовский, В.В. Колкутин, И.А. Солохин, А.А. Теньков.

Личностные особенности преступника, совершившего деяние, связанное с причинением смерти человека, изучали как криминологи, так и представители смежных дисциплин, в том числе А.Г. Абрумова, Б.Г. Бовин, А.В. Датий, М.Г. Дебольский, М.И. Еникеев, А.Р. Ратинов, Л.Н. Собчик, Ю.В. Славинская, Д.В. Сочивко.

Вместе с тем работ, посвященных вопросам исследования преступлений, связанных с причинением смерти, как комплексного криминологического феномена до настоящего времени в российской науке уголовного права и криминологии не представлено. Имеющийся опыт анализа отдельных аспектов преступлений изучаемой группы нуждается в обобщении и создании на этой основе новой теоретической концепции, призванной способствовать повышению эффективности предупреждения данного явления.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с противоправным причинением смерти.

Предметом диссертационного исследования выступают: феномен криминальной смертности как криминологическое явление; методологические основы криминологического исследования гомицидальных преступлений; уголовно-правовые нормы о преступлениях, связанных с причинением смерти человеку; криминологическо-психологические данные о личности преступника, совершившего умышленное или неосторожное преступление, связанное с причинением смерти; теория причинности и оценка причинно-следственных связей в следственно-судебной практике по преступлениям, связанным с причинением смерти; система общего и специального предупреждения изучаемых преступлений.

Цель диссертационного исследования состоит в получении новых знаний о теоретических и методологических основах комплексного изучения преступлений, связанных с причинением смерти, и разработке на этих положениях концепции об обособлении криминологической группы под названием «гомицидальная преступность» (гомицид).

Реализация указанной цели достигается путем решения следующих **задач диссертационного исследования**:

- представить криминологическую характеристику преступлений, связанных с причинением смерти, в аспекте ценности человеческой жизни;
- сформулировать понятие преступлений, связанных с причинением смерти;
- разработать классификацию преступлений изучаемой группы;

обосновать теоретическую и практическую значимость обособления преступлений, связанных с причинением смерти, в отдельную криминологическую группу под названием «гомицидальная преступность» (гомицид);

сформулировать методологические принципы комплексного исследования и системного анализа преступлений, связанных с причинением смерти;

оптимизировать методы и методики изучения преступлений, связанных с причинением смерти;

на основе сравнения критериев оценки уровня гомицида в Российской Федерации и международной практике выработать единый подход к их учету, способствующий предупреждению гомицидальных преступлений;

представить правовую характеристику причинно-следственных связей в гомицидальных преступлениях;

раскрыть судебно-медицинскую оценку причинно-следственных связей в гомицидальных преступлениях, показав ее конкуренцию с правовой;

представить уголовно-правовой анализ гомицидальных преступлений;

установить личностные особенности осужденных за гомицид;

создать целостное представление о мотивах и мотивации преступлений, связанных с причинением смерти;

показать причинный комплекс гомицида и суицида;

уточнить основные организационно-правовые аспекты предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти;

выявить прикладные проблемы предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти;

предложить направления повышения эффективности предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные способы познания, методы эмпирического и теоретического исследования. *Диалектика* в диссертации рассматривается как философская теория о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления, а также в своем исходном смысле – как логика и дискуссионный поиск истины, связанный с объектом исследования. Комплексный подход и системный анализ в совокупности с такими направлениями научного познания, как *детерминистическое, синергетическое, антропологическое и аксиологическое*, выполнили функцию методологического руководства в процессе изучения преступлений, связанных с причинением смерти.

Детерминистический подход, конкретизируя такие парные категории диалектики, как «необходимость – случайность», «возможность – действительность», «причина – следствие», позволяет не только изучить причинно-следственные связи в преступлениях, влекущих смерть человека, но и выработать единые критерии их уголовно-правовой оценки в следственно-судебной практике. *Синергетический подход* выявляет неустойчивость процессов, происходящих в открытой живой системе (организме человека), а также ее уникальность, что должно учитываться при квалификации преступлений, свя-

занных с причинением смерти. *Антропологический подход* позволяет раскрыть пути формирования личности преступника, а также мотивы и мотивацию преступного поведения. *Аксиологический подход* помогает выверить пути формирования представлений о жизни человека как верховной моральной и правовой ценности и на уровне массового, коллективного и индивидуального сознания, и на уровне законотворческого и правоприменительного процессов, системно связанных с противодействием гомицидальной преступности.

В качестве основных использовались следующие общенаучные методы познания: восхождение от абстрактного к конкретному, моделирование, исторический метод, сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция. Последние были дополнены эмпирическими методами, среди которых статистические (статистическое наблюдение, сводка и группировка, статистический анализ), социологические (изучение документов, опросы в форме анкетирования и интервью, наблюдение), социально-психологические (тестирование) и математические. Использование указанных подходов и методов обеспечило комплексное исследование преступлений, связанных с причинением смерти, как самостоятельного криминологического феномена.

Теоретическая основа диссертационного исследования, выводы и предложения базируются на научном осмыслении фундаментальных учений и результатов исследований отечественных и зарубежных ученых в области криминологии, уголовного права, философии, социологии, психологии, судебной медицины, научных работ, опубликованных в специализированных изданиях, материалов научно-практических мероприятий.

Нормативную основу диссертационного исследования составили: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, федеральные законы и отраслевое законодательство в сфере правового регулирования вопросов охраны жизни и здоровья, социального благополучия человека, профилактики правонарушений, современное зарубежное законодательство и нормы международного права.

Эмпирическую основу исследования составили статистические данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России», Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний России, Федеральной службы судебных приставов России, Федеральной службы государственной статистики России, данные ИЦ ГУ МВД России по Ростовской и Воронежской областям, Бюро судебно-медицинской экспертизы по Ростовской области.

Изучены материалы 470 уголовных дел, 375 приговоров судов по делам о преступлениях, предусмотренных: ст. 105 УК РФ (200 дел в отношении 247 лиц), ст. 106–108 УК РФ (50 дел в отношении 50 лиц), ст. 109 УК РФ (100 дел в отношении 100 лиц), ст. 110 УК РФ (30 дел в отношении 30 лиц), ч. 4 ст. 111 УК РФ (265 дел в отношении 287 лиц), в том числе сопряженных с совершении-

ем других насильственных преступлений (изнасилованием, похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом), ч. 3–6 ст. 264 УК РФ (200 дел в отношении 200 лиц). Проанализировано 100 материалов проверок сообщений о преступлениях, предусмотренных ст. 105, 109, 110 УК РФ, по которым следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Собраны и верифицированы материалы о личностных особенностях преступников посредством методик Р. Кеттелла (16 PF Cattell), Г. Шмишека, Фрайбургского личностного опросника (FPI). Экспериментальные данные получены в ходе эмпирического исследования, проведенного на базе исправительных учреждений ФСИН России по Воронежской области, а также взяты из единой базы экспериментальных данных осужденных Межрегиональной психологической лаборатории УФСИН России по Ярославской области. Сведения были обработаны с использованием автоматизированного рабочего места психолога «Psychometric Expert». Всего было обследовано 4 900 осужденных (шесть экспериментальных групп: ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 105, 109, ч. 4 ст. 111, ч. 3, 5 ст. 264, ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ), в контрольную группу вошли 575 человек.

Проведен социологический опрос путем анкетирования, в котором приняли участие: судьи из восьми регионов России (Челябинского, Ростовского, Воронежского, Смоленского областных судов, Ставропольского и Забайкальского краевых судов, Верховного Суда Республики Удмуртия) – 316 человек; судебно-медицинские эксперты, работающие в Бюро судебно-медицинской экспертизы Ростовской, Воронежской, Белгородской областей, Республики Адыгея, Ненецкого автономного округа, Республики Карелия, – 137 человек. Осуществлен опрос 548 оперуполномоченных отделов, отделений уголовного розыска по раскрытию преступлений против личности, организации розыскной работы, розыску без вести пропавших, который проводился в восьми областных (краевых) УУР ГУ МВД (УМВД) России (по Ростовской, Московской, Воронежской, Ярославской областям, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Забайкальскому, Краснодарскому и Алтайскому краям).

Научная новизна исследования состоит в формулировании концепции комплексного изучения преступлений, связанных с причинением смерти, с обособлением новой криминологической группы под названием «гомицидальная преступность» (гомицид).

Основными элементами данной концепции выступают:

усовершенствованная методология изучения преступлений, связанных с причинением смерти, основанная на использовании комплексного подхода и системного анализа, а также детерминистического, синергетического, антропологического, аксиологического подходов;

разработанная классификация гомицидальных преступлений с их разделением на такие подгруппы, как собственно гомицид, сопутствующий гомицид, псевдосопутствующий гомицид, неосторожный гомицид, псевдонеосторожный гомицид;

содержательно обновленное представление о критериях оценки уровня гомицида в России с учетом международных рекомендаций;

понимание мотивов и мотивации преступлений, связанных с причинением смерти;

аргументация целесообразности пересмотра систематизации преступлений, связанных с причинением смерти, в структуре УК РФ, их унификации и помещения в одну главу (раздел);

сформулированные критерии, позволяющие разграничить неосторожность и косвенный умысел в преступлениях, связанных с причинением смерти;

подтвержденная переоценка значимости для уголовно-правовой квалификации вида причинно-следственной связи, установленной судебно-медицинской экспертизой;

установленные личностные особенности осужденных, причинивших смерть умышленно и по неосторожности;

характеристика организационных, правовых и практических аспектов предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти;

направления повышения эффективности предупреждения гомицида.

Научную новизну отражают **основные положения, выносимые на защиту**, которые вытекают из целей и задач диссертационного исследования:

1. Все преступления, влекущие смерть человека, следует объединить в криминологическую группу под названием «гомицидальная преступность» (гомицид). Такое утверждение определяется потребностью в получении целостного представления о феномене гибели людей от противоправных действий как о сложном многоуровневом общественно опасном социальном явлении и выработки на этой основе теоретических и методологических подходов по его целенаправленному изучению и разработке предупредительных мер борьбы.

В настоящее время 1/3 (в 2018 году – 33%) деяний, связанных с криминальным лишением жизни, квалифицируются как убийство. Остальные 2/3 фактов гибели людей – по другим статьям УК РФ, в том числе вследствие негативной, но устойчиво сложившейся судебно-следственной практики, вызванной неправильной оценкой направленности умысла виновного и причинно-следственных связей. Это снижает возможности общей и специальной превенции правовых норм, искажает судебную статистику, затрудняет профилактическую работу и порождает еще целый ряд негативных последствий как юридического, так и социального характера.

2. Гомицид (гомицидальную преступность) образует совокупность умышленных и неосторожных общественно опасных деяний, посягающих на жизнь человека. В основе определения находятся положения международной классификации преступлений для статистических целей, где гомициду соответствует группа деяний, приводящих к смерти или направленных на причинение смерти («Acts leading to death or intending to cause death»).

Анализ гомицидальных преступлений следует осуществлять вне зависимости от местоположения норм в системе уголовного закона, а также технико-

юридических особенностей составов преступлений. Гомицид очерчивается только понятием противоправного лишения жизни человека и связывает в одну группу деяния, хоть и находящиеся в разных главах Уголовного кодекса Российской Федерации, но имеющие единую социально-психологическую природу и объединенные причинением смерти потерпевшему.

3. В целях комплексного исследования гомицидальная преступность структурируется следующим образом: *собственно гомицид*, то есть умышленные преступления, составы которых прямо включают в качестве конструктивного элемента умышленное причинение смерти; *сопутствующий гомицид* – умышленные преступления, результатом которых является лишение жизни, что предусмотрено соответствующим составом в качестве неосторожных последствий, либо в качестве «иных» тяжких последствий преступления; *псевдосопутствующий гомицид* – преступления, по формальным признакам сходные с деяниями второй группы, но в действительности смерть потерпевшего в них оказывается следствием не неосторожности, а косвенного умысла; *неосторожный гомицид* – преступления, основные составы которых включают в качестве конструктивного элемента причинение смерти по неосторожности, либо связаны с причинением смерти по неосторожности, либо формулировка «иные тяжкие последствия» предполагает возможность наступления смерти по неосторожности; *псевдонеосторожный гомицид* – преступления, по формальным признакам попадающие в группу «неосторожный гомицид», но на самом деле смерть потерпевшего в них является следствием не неосторожности, а косвенного умысла. Знание особенностей каждой подгруппы позволяет снизить латентность убийств, исследовать структуру и внутрисистемные связи гомицида, а также определить наиболее результативные предупредительные меры борьбы.

4. При расчете количества совершенных убийств, необходимо учитывать погибших и от других умышленных преступлений, в числе которых умершие от деяний, квалифицированных по ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127², п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 227, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ч. 3 ст. 361 УК РФ. Это обеспечит соответствие показателя уровня убийств в России принятым международным стандартам, где к преднамеренному (умышленному) убийству относится нападение с тяжкими последствиями в виде смерти, представляющее собой незаконное причинение смерти, совершенное с осознанием вероятности наступления смерти или причинения тяжких телесных повреждений.

Погибшие от убийств и неосторожных преступлений, а также жертвы покушений на убийство, образуют статистическую совокупность деяний, приводящих к смерти или направленных на причинение смерти, которые и подлежат анализу при оценке гомицидальной преступности.

5. Под убийством в уголовном законе следует понимать не только умышленное лишение жизни, но и причинение смерти по неосторожности. Замена термина «убийство» эвфемизмом снижает значимость человеческой жизни как

высшей конституционной ценности, порождает смягчение отношения к убийствам на всех уровнях правосознания, влечет либерализацию законотворчества и правоприменения по отношению к таким деяниям. Жесткая, даже терминологически, форма уголовно-правового запрета способна оказывать мощное воспитательное и предупредительное воздействие на личность.

6. Противоречие между провозглашенной и реально существующей иерархией объектов уголовно-правовой охраны, при которой право человека на жизнь из основного объекта становится дополнительным или факультативным, подтверждается тем, что более 90% уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за лишение жизни человека, находятся за пределами главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Данный факт не позволяет реализовать закрепленное в Конституции России положение о том, что человек и его право на жизнь обладает высшей ценностью. В ходе подготовки нового проекта уголовного закона целесообразно пересмотреть систематизацию преступлений, связанных с причинением смерти, объединив их в одну главу.

7. По делам, связанным с причинением смерти, судебно-медицинская оценка развития причинно-следственных связей превалирует над правовой оценкой и, по существу, предопределяет последнюю. Несмотря на то, что такое положение противоречит уголовному законодательству, в судебно-следственной практике оно стало преобладающим.

Из норм уголовного закона не следует, что один вид причинной связи имеет уголовно-правовое значение, а другой – не имеет. Каузальную зависимость как признак объективной стороны преступления следует считать установленной, если деяние является необходимым условием наступивших последствий. Особенность косвенной причинной связи (в отличие от прямой зависимости) заключается в том, что она может быть принята во внимание при назначении наказания за смерть (вред здоровью), наступившую при влиянии различных обстоятельств (индивидуальных особенностей организма потерпевшего, действий третьих лиц).

8. При определении формы вины в преступлениях, связанных с причинением смерти, основной акцент следует сосредоточить на содержании событий, составляющих цепочку причинно-следственных связей между преступным деянием и преступным результатом. В случаях, когда действия виновного были непосредственно направлены на причинение вреда жизни и здоровью другого лица, и развитие причинно-следственных связей привело к наступлению смерти этого лица, если не будет доказано обратное, следует исходить из того, что действия виновного совершались с умыслом на причинение смерти.

9. Умышленное нарушение водителем правил дорожного движения при неустановлении у него прямого умысла на причинение смерти либо вреда здоровью с использованием транспортного средства не может во всех случаях расцениваться как неосторожное деяние, предполагающее неосторожность по отношению к названным общественно опасным последствиям.

О косвенном умысле лица по отношению к тяжким последствиям могут свидетельствовать такие факторы, как: 1) контроль над ситуацией, предшествующей дорожно-транспортному происшествию. Под контролем в данном контексте понимается объективная возможность безопасного управления и эксплуатации транспортного средства; 2) умышленное обострение этой ситуации и создание угрозы для жизни и здоровья людей; 3) психофизиологическое состояние водителя, при котором становится реальной возможностью причинения вреда жизни и здоровью других лиц; 4) предшествующие событию систематические нарушения правил дорожного движения, свидетельствующие о нигилистическом отношении к закону и пренебрежительном отношении к жизни и здоровью других лиц (отсутствие или лишение водительских прав, ранее совершаемые преступления или административные правонарушения против жизни и здоровья или безопасности дорожного движения).

10. Преступления, посягающие на жизнь человека, в связи с особо ценным объектом уголовно-правовой охраны не должны входить в категорию преступлений небольшой тяжести. Для них следует ограничить применение амнистии, а также возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания за совершение неосторожных преступлений при особо отягчающих обстоятельствах.

11. Личности неосторожных и умышленных преступников имеют общие характеристики, значительно отличаются от личностей законопослушных граждан. Результат сравнения показал, что виновные в причинении смерти по неосторожности так же, как и осужденные за убийство, предрасположены к стрессовому реагированию на обычные жизненные ситуации, обладают неразвитым супер-эго, проявляющимся в несогласии с принятыми социальными нормами, ориентацией на собственные желания, беспринципности, низком уровне осознания своей ответственности перед другими, то есть социальная дезадаптированность и ожидание агрессивных действий в ситуациях, которые реальную угрозу могут и не представлять, являются общими чертами осужденных за причинение смерти по неосторожности и убийство с формированием личностной predisposition (готовности) к нарушению закона.

12. Во всех случаях наступления смерти лиц, содержащихся в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы и следственных изоляторах, следует возбуждать уголовное дело и проводить расследование. Постановление о прекращении такого уголовного дела должно подлежать утверждению судом субъекта Российской Федерации.

Специальный порядок отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения в связи с установлением факта самоубийства следует распространить на случаи суицида лиц, проходящих срочную службу в армии, несовершеннолетних, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также престарелых и инвалидов в домах-интернатах.

13. Отдельные положения судебно-медицинских документов необоснованно ограничивают возможность уголовно-правовой защиты права на жизнь и здоровье. Соответственно, подлежит исключению или пересмотру как противоречащий конституционным гарантиям прав человека пункт 24 «Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»¹, согласно которому ухудшение состояния здоровья человека, вызванное характером и тяжестью травмы, отравления, заболевания, поздними сроками начала лечения, его возрастом, сопутствующей патологией и другими причинами, не рассматривается как причинение вреда здоровью, а также п.п. 6.7, в соответствии с которым «прерывание беременности в результате заболеваний матери и плода должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью и не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины и плода (заболеваниями, патологическими состояниями), которые имелись до причинения вреда здоровью».

14. Для консолидации усилий в сфере предупреждения гомицида следует принять национальную стратегию *«Предупреждение гибели людей в результате противоправных действий»*, главная цель которой состоит в определении концептуальных направлений и задач государственной политики по минимизации риска гибели людей от общественно опасных деяний (умышленных и неосторожных), а также ключевых механизмов ее реализации, базирующихся на общепризнанных принципах и нормах международного права. Реализация стратегии необходима по следующим основным блокам: 1. Антитеррористическая безопасность. 2. Предупреждение насильственных посягательств в сфере быта. 3. Обеспечение безопасности в общественных местах. 4. Обеспечение безопасности на объектах транспорта. 5. Снижение риска гибели на опасных производственных и иных объектах. 6. Снижение риска гибели в результате оказания медицинских услуг ненадлежащего качества. 7. Предупреждение киберугроз и новых рисков для жизни. 8. Мероприятия по устранению факторов, способствующих гибели людей. 9. Организационно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты позволяют не только расширить объем криминологически значимой информации, но и углубить знание о преступлениях, связанных с причинением смерти человеку путем их интеграции в новую криминологическую группу преступлений (гомицид), разработать методологические основы криминологического исследования гомицидальных преступлений, их классификацию с выделением отдельных подгрупп преступлений, раскрыть личностные черты преступника и особенности детерминационного механизма.

Результаты исследования способствуют развитию концептуальных основ криминологии, проведению последующих научных разработок в области защи-

¹ Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н (ред. от 18.01.2012) // Российская газета. 2008. 5 сентября.

ты права человека на жизнь как важнейшей конституционной ценности, создают методологическую и информационную основу для повышения эффективности борьбы с преступлениями, связанными с причинением смерти, укрепления социальной политики и демократических основ Российского государства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты, основанные на них выводы и предложения могут найти реализацию в правоприменительной практике органов государственной власти, способствовать повышению эффективности проводимой уголовной, а также социальной политики государства, направленной на устранение детерминант преступлений, связанных с причинением смерти.

Кроме того, они могут использоваться при проведении научных исследований, в образовательном процессе образовательных организаций высшего образования, работе иных государственных и общественных учреждений, осуществляющих организационно-профилактическую деятельность в рассматриваемой сфере.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена теоретическим анализом фундаментальных трудов советских, российских и зарубежных ученых, отечественных и международных документов, изучением обширной статистики, авторскими эмпирическими исследованиями. Сформулированные выводы и предложения базируются на системе сведений, изложенных в теоретической части работы, результатах анализа и синтеза полученных данных. Значимость и достоверность результатов проведенного исследования обеспечены итогами внедрения выводов и рекомендаций в практическую и образовательную деятельность.

Апробация результатов исследования осуществлялись в следующих основных направлениях.

Полученные в ходе исследования выводы и предложения нашли отражение в 70 научных работах, опубликованных автором лично и в соавторстве, в том числе 1 монографии, 28 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Результаты диссертационного исследования были представлены на Международных научно-практических конференциях, проходивших, в частности, в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова («Российский конгресс уголовного права», 2008, 2009, 2011, 2012, 2014, 2016 гг.), Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина («Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», 2008, 2009, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.), Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя («Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы», 2018 г.), Ростовском юридическом институте МВД России («Насилие в Северо-Кавказском регионе: политические, криминологические, уголовно-правовые аспекты», 2010 г., «Актуальные проблемы применения уголовного законодательства», 2019 г.), Южном федеральном университете («Развитие

юридической науки в новых условиях: единство теории и практики», 2015–2018 гг.), Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова («Проблемы противодействия преступности в сфере дорожного движения», 2015 г.), Российском государственном университете правосудия (Ростовском филиале) («Современные парадигмы юридической науки: взаимодействие традиций и инновационные подходы», 2015 г.), Воронежском юридическом институте МВД России («Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии», 2013 г.), а также на Всероссийских научно-практических конференциях, организованных Санкт-Петербургским государственным университетом («Медицина и право в XXI веке», 2010 г.), Ростовским юридическим институтом МВД России («Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации», 2013, 2016, 2017 гг.), «Демографическая безопасность современной России: политико-правовые механизмы обеспечения национальных интересов», 2013 г.), Ставропольским филиалом Краснодарского университета МВД России («Актуальные вопросы науки и практики», 2017 г.), Российской криминологической ассоциацией («Преступность, уголовная политика, закон» (г. Москва, 2016 г., г. Кострома, 2016 г.), «Криминальные реалии, реагирование на них и закон» (г. Москва, 2018 г.), «Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» (г. Москва, 2019 г.).

Материалы диссертации внедрены: в образовательный процесс таких организаций, как Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Университет прокуратуры Российской Федерации, Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова (г. Санкт-Петербург), Омская академия МВД России, Краснодарский университет МВД России, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; образовательных организаций ФСИН России; практическую деятельность прокуратуры Республики Карелия, ГУ МВД России по Воронежской области, УМВД России по Орловской и Белгородской областям; деятельность судебно-медицинских экспертов Бюро судебно-медицинской экспертизы по Ростовской области; практическую деятельность психологов ФСИН России.

Структура диссертации определена целями, задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих семнадцать параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор и актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, методика и методология, нормативная и эмпирическая база диссертационного исследования, формулируются цель и задачи, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, выделяются основные положения, выносимые на защиту. Во введении также представлены данные об апробации полученных результатов, описывается структура исследования.

Первая глава **«Преступления, связанные с причинением смерти, их система, общие черты и виды»** включает в себя четыре параграфа, в которых изучаемые преступления рассматриваются комплексно как социальное и правовое явление. В первом параграфе **«Преступления, связанные с причинением смерти, в аспекте ценности человеческой жизни»** дается характеристика состояния и динамики изучаемых преступлений в контексте современных представлений о должном уровне защищенности жизни человека от противоправных угроз.

Изучив общемировые тенденции, генезис детерминант преступности, позиции отечественных и зарубежных ученых, *соискатель приходит к выводу о том, что объективные предпосылки в виде коренного изменения причин и условий преступности для столь стремительного снижения количества убийств в России отсутствуют, и акцентирует внимание на росте ее латентной части.*

Значительная часть опрошенных соискателем респондентов также сомневается в положительных тенденциях динамики убийств. Так, только 29,4% судей, 26,3% судебно-медицинских экспертов и 34,6% оперуполномоченных отделов, отделений уголовного розыска по раскрытию преступлений против личности, организации розыскной работы, розыску без вести пропавших считают, что в стране число убийств ежегодно снижается. Соответственно, 70,6, 73,7 и 65,4% опрошенных полагают, что их реальный уровень остается по-прежнему высоким. На вопрос о том, должным ли образом защищена жизнь человека от преступных посягательств, утвердительно ответили только 15,8% судей, 12,4% судебно-медицинских экспертов и 11,4% оперативных уполномоченных отделов (отделений) уголовного розыска. Остальные респонденты полагают, что она не защищена.

Проанализировав санкции за причинение смерти по неосторожности, статистические данные о судимости, практику амнистии и эффект от ее применения, автором формулируется вывод о том, что уголовно-правовая охрана жизни от неосторожных преступлений в настоящее время также недостаточна и противоречит конституционным декларациям о верховенстве права на жизнь. Фактором, способствовавшим более лояльному подходу к уголовной ответственности за совершение неосторожных преступлений против жизни, соискатель счи-

тает замену термина «неосторожное убийство» эвфемизмом «причинение смерти по неосторожности», причем данное обстоятельство прогнозировалось в трудах советских ученых. Исследователи отмечали, что признание неосторожного лишения жизни не убийством способно подорвать отрицательную моральную оценку этого преступления и привести к ослаблению борьбы с неосторожными преступлениями, что фактически и наблюдается в настоящее время.

Автор считает, что с точки зрения справедливости и защиты прав потерпевшего от преступления термин «убийство» точно отражает социально-психологический смысл не только умышленного, но и неосторожного посягательства на жизнь человека. Составители международных документов в сфере борьбы с преступностью и в области здравоохранения, законодатели некоторых зарубежных государств придерживаются такого понимания убийства. В связи с этим при разработке новой редакции УК РФ следует рассмотреть вопрос о возвращении в его структуру термина «неосторожное убийство».

Во втором параграфе «*Система преступлений, связанных с причинением смерти*» анализируются общие уголовно-правовые признаки изучаемых преступлений, особенности их технико-юридического оформления и помещения в структуру уголовного закона.

Соискатель обращает внимание на то, что преступления, связанные с причинением смерти, находятся в 18 из 19 глав Особенной части уголовного закона. При этом 107 статей *прямо* или *косвенно* предусматривают тяжкие последствия в виде смерти человека (159 составов преступлений), их удельный вес среди действующих статей Особенной части УК РФ составляет 29,3%¹. Таким образом, фактически треть преступлений, предусмотренных УК РФ, связана с причинением смерти.

Согласно положениям современной уголовно-правовой доктрины местоположение статьи в структуре уголовного закона (раздел, глава) определяет объект, ради которого она создана, т. е. основной целью разработки норм, в которых дополнительным (факультативным) объектом является жизнь человека, остается охрана иных благ, интересов и отношений. В связи с этим в ходе подготовки нового проекта (редакции) уголовного закона предлагается учесть высказываемые предложения ученых и пересмотреть систематизацию преступлений, связанных с причинением смерти, в структуре УК РФ, поместив их в одну главу (раздел).

Преступления, в которых *прямо* указано на последствие, связанное с причинением смерти человеку, рекомендуется дифференцировать по комплексному признаку – объекту уголовно-правовой охраны (основной, дополнительный, факультативный) и форме вины, выделяя следующие виды (группы) преступлений: 1. Умышленные преступления, в которых жизнь выступает в качестве основного объекта уголовно-правовой охраны (ст. 105–108, 110, ч. 4, 5, 6 ст. 110¹ УК РФ). 2. Неосторожные преступления, в которых жизнь выступает

¹ По состоянию на 19 августа 2019 года Особенная часть УК РФ содержала 365 действующих статей.

в качестве основного объекта уголовно-правовой охраны (ст. 109 УК РФ). 3. Неосторожные преступления, в которых жизнь выступает дополнительным или факультативным объектом охраны, при этом причинение смерти является криминообразующим признаком (ч. 2 ст. 124¹, ст. 218, ч. 1, 2 ст. 224, ч. 1, 2 ст. 271¹, 351, 352 УК РФ). 4. Умышленные преступления, в которых жизнь выступает дополнительным или факультативным объектом охраны (п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ч. 3 ст. 361 УК РФ). 5. Умышленные преступления, в которых жизнь человека выступает дополнительным или факультативным объектом охраны, при этом причинение смерти прямо предусмотрено в качестве неосторожного последствия (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, ч. 2 ст. 124, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127², ч. 2 ст. 128, п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132, ч. 2 ст. 167, п. «б» ч. 2 ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 215², ч. 3 ст. 215³, ч. 2, 3 ст. 217², ч. 2, 3 ст. 220, ч. 3 ст. 227, п. «б» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 230¹, ч. 2 ст. 230², ч. 3 ст. 234¹, ч. 2 ст. 235, ч. 2 ст. 236, п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238, п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 238¹, ч. 3 ст. 247 УК РФ). 6. Неосторожные преступления, в которых жизнь человека выступает дополнительным или факультативным объектом охраны, при этом причинение смерти прямо предусмотрено в качестве последствия (ч. 2, 3 ст. 143, ч. 2, 3 ст. 215, ч. 2 ст. 215¹, ч. 2, 3 ст. 216, ч. 2, 3 ст. 217, ч. 2, 3 ст. 217¹, ч. 2, 3 ст. 219, ч. 2, 2¹, 3, 4 ст. 263, ч. 3, 4 ст. 263¹, ч. 3–6 ст. 264, ч. 2, 3 ст. 266, ч. 2, 3 ст. 267, ч. 2, 3 ст. 268, ч. 2, 3 ст. 293, ч. 2, 3 ст. 349, ч. 2, 3 ст. 350 УК РФ). 7. Деяния, которые могут быть совершены как с умышленной, так и неосторожной формой вины: ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 250, ч. 3 ст. 251, ч. 3 ст. 252, ч. 3 ст. 254 УК РФ.

В зависимости от полноты описания преступного последствия в диспозиции уголовно-правовой нормы преступления, связанные с причинением смерти, можно разделить на две группы: 1) диспозиция которых содержит *прямое* указание на смерть человека как тяжкое последствие; 2) диспозиция которых в формулировке «иные тяжкие последствия» *предполагает возможность* наступления смерти человека, например: 1. *Умышленные преступления* – ч. 3 ст. 137, ч. 3 ст. 145¹, ч. 4 ст. 183, ч. 2 ст. 201, ч. 2 ст. 203, ч. 2 ст. 207, ч. 2 ст. 237, ч. 4 ст. 272, ч. 3 ст. 273, п. «б» ч. 2 ст. 281, ч. 2 ст. 283, п. «в» ч. 2 ст. 283¹, ч. 3 ст. 285, п. «в» ч. 3 ст. 286, ч. 2 ст. 286¹, п. «в» ч. 3 ст. 287, ч. 3 ст. 301, ч. 3 ст. 303, ч. 2 ст. 305, ч. 2 ст. 311, ч. 2 ст. 320, ч. 2 ст. 323, ч. 2 ст. 332, п. «в» ч. 2 ст. 333, п. «в» ч. 2 ст. 334, ч. 3 ст. 335, ч. 2 ст. 340, ч. 2 ст. 341, ч. 2 ст. 342, ч. 2 ст. 343, ч. 2 ст. 344, ч. 2 ст. 346 УК РФ. 2. *Неосторожные преступления* – ч. 2 ст. 225, ч. 3 ст. 340, ч. 3 ст. 341, ч. 3 ст. 342 УК РФ. 3. *Деяния, которые могут быть совершены как с умышленной, так и неосторожной формой вины*, – ч. 2 ст. 228², ст. 246, ч. 2 ст. 274 УК РФ.

Аргументируется, что наступление смерти не должно входить в оценочную категорию, в связи с чем в диспозициях правовых норм следует прямо указать на причинение соответствующего вреда (повлекшее по неосторожности смерть человека, самоубийство).

В третьем параграфе *«Классификация преступлений, связанных с причинением смерти, по характеру и степени общественной опасности»* анализируется законодательная дифференциация изучаемых деяний.

Обращаясь к проблеме оценки степени тяжести неосторожных преступлений, соискатель разделяет точку зрения, согласно которой ущерб от квалифицированных видов неосторожных преступлений, сопряженных с человеческими жертвами, не позволяет считать их исключение из категории тяжких правильным. Криминологически необоснованным следует признать и существенное смягчение санкции за причинение смерти по неосторожности в сравнении с первоначальной редакцией ст. 109 УК РФ, а также ст. 106 УК РСФСР «Неосторожное убийство», поскольку ничего способного привести к снижению опасности неосторожных преступлений за последние десятилетия не наблюдается. Официальная структура криминальной смертности показывает, что на долю преступлений небольшой и средней тяжести приходится почти половина погибших от всех преступлений в 2017 году (46,9%) и более половины в 2018 году (52,4%).

Преступления, посягающие на жизнь человека, в связи с особо ценным объектом уголовно-правовой охраны существенно отличаются от иных деяний. Это обстоятельство должно учитываться при категоризации преступлений. Поэтому ни неосторожные, ни умышленные преступления против жизни не могут входить в категорию «небольшая тяжесть». По этой же причине должна быть пересмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности и наказания за неосторожные преступления при особо отягчающих обстоятельствах.

Анализируя предложение ученых об обособлении новой уголовно-правовой категории преступлений «исключительная тяжесть», соискатель отмечает его значимость, однако считает, что в сложившихся условиях предупреждение квалифицированных видов убийств следует усиливать за счет более строгих мер наказания, назначаемых судом, поскольку потенциал санкции статьи не используется в полной мере, а судебная практика складывается по пути усреднения срока наказания в виде лишения свободы.

В четвертом параграфе *«Гомицид как отдельная классификационная группа преступлений, связанных с причинением смерти»* формулируется предложение об обособлении изучаемых преступлений в отдельную криминологическую группу под названием «гомицидальная преступность» (гомицид). Раскрывается понятие, выделяются подгруппы гомицидальных преступлений.

Криминологический анализ практики уголовно-правовой защиты жизни показал, что некоторые убийства в силу ряда причин (процессуального, криминалистического, организационно-управленческого, ведомственного и т. п. характера) не квалифицируются как таковые. Наблюдается «смягчение» квалификации и назначаемых наказаний по всем преступлениям против жизни, прекращение уголовных дел и применение амнистий по неосторожным преступлени-

ям, влекущим тягчайшие последствия, а также «экономия» средств преступника при компенсации морального вреда жертвам убийств.

В связи с этим весь массив противоправных уголовно наказуемых деяний, влекущих смерть человека, должен быть обособлен в качестве предмета целенаправленного криминологического изучения – преступлений, связанных с причинением смерти (гомицида). Критерии отнесения преступлений к данной группе, очерчивающие границы гомицидальной преступности, формируются на уголовно-правовой основе, обусловленной: 1) единым объектом уголовно-правовой охраны (жизнь человека); 2) характером наступившего преступного вреда (смерти). Структуру гомицидальной преступности образуют такие группы преступлений, как *собственно гомицид, сопутствующий гомицид, псевдосопутствующий гомицид, неосторожный гомицид, псевдонеосторожный гомицид*.

В частности, в процессе изучения следственно-судебной практики формулируется вывод о том, что в 87% из 265 изученных материалов уголовных дел и приговоров по ч. 4 ст. 111 УК РФ есть все основания полагать об умышленном отношении виновного к наступившим последствиям, что следует из совокупности объективных и субъективных признаков деяния. Данную часть преступлений, в ходе которых потерпевшего якобы по неосторожности лишают жизни, по мнению соискателя, необходимо отнести к *псевдосопутствующему гомициду*.

Большинство смертельных случаев, сопряженных с разбоем, изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера, вымогательством, похищением человека, захватом заложника, террористическим актом также необходимо отнести к *псевдосопутствующему гомициду*, так как угроза для жизни потерпевшего следует уже из его захвата, лишения свободы передвижения и принятия решений, содержания в местах, не приспособленных для жизнедеятельности человеческого организма, и полной зависимости от власти преступника. Некритичное отношение следственно-судебной практики к показаниям обвиняемых, принятие мотивировки (самооправдания) за мотив действия дают возможность оценивать реальные убийства как причинение смерти по неосторожности, что не позволяет достичь цели уголовного наказания – восстановления справедливости.

Исследование материалов уголовных дел и личности осужденных по ст. 264 УК РФ позволяет автору согласиться с точкой зрения, высказываемой в научной литературе, и утверждать, что некоторые аварии с тяжкими последствиями не соответствуют «модели» неосторожного преступления, а являются убийством с косвенным неконкретизированным умыслом. При этом виновный (если он вменяем) не может не предвидеть возможности смертельного травмирования других лиц и относится к этому с безразличием.

Вторая глава **«Методологические основы криминологического исследования гомицидальных преступлений»** включает три параграфа. В первом параграфе **«Методологические принципы комплексного исследования и си-**

темного анализа гомицида» формулируется положение о том, что комплексный подход и системный анализ в методологии изучения преступлений, связанных с причинением смерти, выступают связующим звеном между общенаучным (диалектическим) и частнонаучным уровнями познания. К основным принципам комплексного исследования относятся: принцип множественности предметных оснований, принцип построения комплексного предмета исследования, принцип базовой дисциплины. Множественность предметных оснований в ходе изучения преступлений, связанных с причинением смерти, раскрывается в необходимости объединения сил не только криминологии, но и других отраслей научных знаний: естественных, технических и общественно-гуманитарных. Принцип построения комплексного предмета исследования предполагает рассмотрение каждой грани предмета отдельно и в их взаимосвязи, что ориентирует на получение целостного представления о явлении, связанном с гибелью людей от противоправных посягательств. Принцип базовой дисциплины определяет криминологию как научный центр сбора и анализа значимой информации о гомицидальных преступлениях. В качестве основополагающих направлений изучения преступлений автор называет синергетический, детерминистический, антропологический и аксиологический подходы, базирующиеся на знаниях соответствующих наук.

Во втором параграфе *«Методы и методики изучения гомицидальных преступлений»* анализируются методы изучения преступлений, связанных с причинением смерти, которые можно рассматривать как *инвариативное ядро*, базу для построения новых исследовательских программ (методик).

Соискатель, в частности, обращает внимание на то, что метод исследования «восхождение от абстрактного к конкретному» позволяет целенаправленно углубить, развить знания о преступности посредством обособления и изучения новой криминологической группы – преступлений, связанных с причинением смерти (гомицида). Данному процессу сопутствует выдвижение и верификация гипотез. Так, в ходе изучения гомицида было сделано предположение о том, что истинная мотивация некоторых преступлений не устанавливается, вследствие чего умышленные деяния оцениваются как совершенные по неосторожности. Подтверждение этой гипотезы позволило классифицировать преступления на собственно гомицид, сопутствующий гомицид, псевдосопутствующий гомицид, неосторожный гомицид, псевдонеосторожный гомицид. Посредством применения информационного и мысленного моделирования подлежали изучению следующие объекты: модель гомицидального преступления с учетом уголовно-правовых и криминологических признаков; модель официального и фактического состояния гомицида; модель системы гомицидальных преступлений; модель, отражающая современные уголовно-политические и научные подходы к предупреждению преступлений изучаемой группы.

В третьем параграфе *«Критерии оценки уровня гомицида в Российской Федерации и международной практике»* на основе компаративного исследования показываются дополнительные признаки несоответствия фиксируемого

количества убийств в России их действительному состоянию. Одной из причин такого положения является тот факт, что статистические данные собираются без учета стандартизированного определения убийства, рекомендованного в международных документах.

Вследствие существенного отличия законодательной техники и понятийного аппарата уголовного законодательства в различных государствах, методики уголовной регистрации, несоответствия системы криминального учета минимальным международным стандартам, а также иных особенностей, затрудняющих возможность сопоставления данных о гомициде, дополнительным, а иногда и равным, источником сведений о них выступает система здравоохранения. В России анализ смерти по причинам производится согласно Краткой номенклатуре причин смерти, основанной на МКБ-10¹, где блок «Нападение» включает в себя убийство и повреждения, причиненные другим лицом с целью нанесения увечья или убийства с помощью любых средств. Как указывается в международных исследованиях, под преднамеренным (умышленным) убийством следует понимать противоправное умышленное причинение смерти другому человеку («*Homicide – unlawful death purposefully inflicted on a person by another person*»), при этом уточняется, что травмы, нанесенные другим лицом с намерением причинить вред или убить (МКБ-10, коды X85–Y09), и последствия нападения (МКБ-10, код Y87.1) соответствуют определению умышленного убийства². Следовательно, для расчета убийств необходимо учитывать не только погибших от деяний, предусмотренных ст. 105–108 УК РФ, но и жертв других умышленных преступлений, в которых жизнь выступает дополнительным или факультативным объектом уголовно-правовой охраны, например, погибших от действий, квалифицированных по ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127², п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 227, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Кроме того, использование данных уголовной и медицинской статистики для изучения преступлений, связанных с причинением смерти, требует специальных пояснений: 1. «Организационное», в котором раскрываются особенности формирования существующих статистических баз. 2. «Достоверность статистических данных о смертности от внешних причин», в связи с чем соискатель, подтверждая выводы опросом судебно-медицинских экспертов, анализирует факторы, отрицательно влияющие на достоверность статистических показателей смертности, в том числе неверное определение первоначальной причины смерти либо кодирование причины смерти, отсутствие нормативно установленного эффективного механизма учета окончательных медицинских свидетельств о смерти, выданных взамен предварительных или окончательных в

¹ См.: Международная классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем Всемирной организации здравоохранения, X пересмотр.

² См.: Methodological Annex to «The Global Study on Homicide 2019». URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Meth_Annex_GHS.pdf.

случае уточнения основной причины смерти. 3. «Убийство (нападение) в международной классификации и в номенклатуре внешних причин смерти, используемой Росстат». 4. «Уголовная и медицинская статистика смертности в международных исследованиях убийств», где формулируется необходимость перехода на единые стандарты статистики, предложенные в международной классификации преступлений для статистических целей.

Третья глава **«Общая теория причинности и оценка причинно-следственных связей в следственно-судебной практике по преступлениям, связанным с причинением смерти»** включает в себя три параграфа, в которых раскрываются общенаучный, уголовно-правовой и медицинский подходы к установлению каузальности. Подчеркивается, что устоявшаяся следственно-судебная практика отрицает причинно-следственную связь между травмой и смертью человека, имеющего физиологическое состояние, повлиявшее на исход травмы. Поэтому действия виновных квалифицируются по «льготным» статьям, а иногда вообще не влекут уголовно-правовых последствий, чем, по мнению автора, нарушаются конституционные права граждан на равную защиту жизни и здоровья. В первом параграфе **«Общая теория причинности в уголовном праве и ее применение к оценке гомицидальных преступлений»** исследуются общетеоретические аспекты каузальности, обосновывается положение о том, что в уголовном праве они выступают в качестве всеобщей научной теории.

Соискатель отмечает, что отечественная наука уголовного права признает методологическую роль философских категорий, которые правоведы могут лишь конкретизировать, а следовательно, философская теория выступает в качестве всеобщего научного учения, выполняющего функцию объяснения устройства реального мира. На его основе в уголовном праве сформировались теории каузальности, в том числе адекватной причины, главной причины, исключительной причинности, непосредственной (ближайшей) причины, необходимой и случайной причинной связи, возможности и действительности, необходимого условия или эквивалентности (*conditio sine qua non*). При этом каждый исследователь понимает причинную связь исходя из той философской концепции причинности, которая, на его взгляд, в наибольшей степени отвечает задаче восстановления социальной справедливости. В представлении соискателя последняя достижима только в том случае, если виновный отвечает за все последствия совершенного им преступления, тем самым не допускается перекладывание риска неблагоприятных последствий на потерпевшего.

Во втором параграфе **«Правовая оценка причинно-следственных связей в гомицидальных преступлениях»** показывается, что безусловная важность судебно-медицинских экспертиз на практике преувеличена и экспертный анализ причинности, несмотря на закон, фактически подменяет правовой. Такое положение соискатель находит ошибочным, поскольку правоохранительные органы должны, исследуя всю совокупность полученных доказательств, дать

юридическую оценку событию, которая не обязана совпадать с выводами судебно-медицинской экспертизы.

На вопрос о том, должен ли виновный в нанесении одного умышленного удара отвечать по закону и справедливости за причинение смерти, связанной с обострением имеющихся у потерпевшего заболеваний, 57% судей ответили: «Да, это будет справедливо, ибо без удара не наступила бы смерть даже при наличии патологии. В противном случае бремя наступления более тяжелых последствий ложится на потерпевшего». Остальные респонденты (34%) считают, что лицо подлежит ответственности за один удар, приведший к травме определенной степени тяжести. На сложность разрешения данного вопроса указывает то обстоятельство, что 13% судей воздержались от ответа. Примечательно, что, хотя более половины опрошенных судей в теории придерживаются названной позиции, правоприменительная практика имеет противоположную направленность.

В третьем параграфе *«Судебно-медицинская оценка причинно-следственных связей в гомицидальных преступлениях и ее конкуренция с правовой»* конкретизируются вопросы причинности с точки зрения медицинской науки, исходящей из полиэтиологичности заболевания, в связи с чем при определении главной причины смерти, соответствующей монокаузалizmu как концепции причинности, возникают различные трудности, которые подробно анализируются соискателем.

Решение вопроса причинности в самой судебно-медицинской экспертной практике тесно связано со следующими организационно-правовыми проблемами: 1) снижением качества экспертных исследований, в том числе невнимательным отношением к диагностике вреда, причиненного действием информационных факторов; 2) возможным принятием и распространением документов (методических рекомендаций, писем), посредством которых дается комментарий медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, с явным выходом экспертов за пределы компетенции; 3) некоторые положения ведомственных документов вступают в коллизию с нормативными правовыми актами, обладающими высшей юридической силой, в связи с чем формулируются конкретные законодательные предложения.

Четвертая глава *«Уголовно-правовой и криминологический анализ гомицидальных преступлений и лиц, их совершающих»* включает четыре параграфа, в которых изучаются материалы следственно-судебной практики и личности осужденных за гомицид. В первом параграфе *«Уголовно-правовой анализ гомицидальных преступлений»* отмечается, что камнем преткновения при разграничении смежных составов преступлений, связанных с причинением смерти, наряду с оценкой локализации повреждений на теле потерпевшего выступают подходы к учету способа (орудия) причинения вреда. Сопоставляя результаты изученных уголовных дел и приговоров с собственным анализом признаков состава преступления, а именно направленностью умысла виновного,

характером причинно-следственных связей, соискатель приходит к выводу о том, что при разграничении неосторожного преступления и преступления с косвенным умыслом следует основное внимание уделять характеристикам объективной стороны преступления, которые отличаются более существенной очевидностью и доказательностью, нежели субъективные, а потому должны иметь преимущество в совокупном анализе имеющихся обстоятельств. Предлагается, что в случаях, когда действия виновного были непосредственно *направлены* на причинение вреда жизни и здоровью другого лица и развитие причинно-следственных связей *привело* к наступлению смерти этого лица, если не будет доказано обратное, следует исходить из умышленного отношения виновного к наступившим последствиям. При таком подходе все умышленные ранения опасными предметами, массированные и единичные удары, повлекшие смерть, должны квалифицироваться как убийства с прямым или косвенным умыслом. Если же развитие причинно-следственных связей отклонилось от цели умышленных действий, стоящих в начале причинной цепи, то имеются признаки неосторожной формы вины. Например, работающий на крыше кровельщик уронил молоток, причинивший смертельную травму проходившему внизу человеку. Обозначенный алгоритм меняет оценку смертельного исхода, наступившего от действий лиц, управляющих автотранспортом с полным пренебрежением к жизни окружающих. О косвенном умысле виновного по отношению к таким последствиям свидетельствует ряд факторов, которые подробно раскрываются автором.

Во втором параграфе «*Особенности личности осужденных за умышленное и неосторожное причинение смерти*» проводится сравнительный анализ особенностей личности осужденных по ст. 105, 109, ч. 4 ст. 111, 264 УК РФ и показывается, что виновные приобретают ряд общих личностных детерминант, не отмечаемых ранее.

Действия, связанные с причинением смерти по неосторожности, в объективной действительности выглядят не столь агрессивными, а потому кажутся менее связанными с негативными психологическими особенностями преступника. Однако эмпирическим путем соискатель установил практически полное совпадение черт личности убийц (ст. 105 УК РФ) и респондентов, преступление которых, на первый взгляд, вообще не связано с проявлением агрессии к жертве, – виновных в ДТП со смертельным исходом, совершивших преступление в состоянии опьянения. Соискатель считает, что у большинства осужденных этой категории, как и у виновных в причинении смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), сформирована личностная predisposition (готовность) к нарушению закона.

Для всех осужденных по ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ характерно снижение тревожности (методика Г. Шмишека), а у части респондентов (18%) обнаружена выраженная спонтанная и реактивная агрессивность. При этом если агрессивность проявляется избыточно и не уравновешена тревожностью (своего рода «локатором» от опрометчивых действий), а также нормативностью поведения и

должной системой ценностных ориентиров, то активность такого человека часто связана с явной агрессией. По данным показателям названные лица приближаются к совершившим убийства. Высказывается точка зрения, согласно которой у обследованных осужденных агрессивность, будучи ведущей тенденцией личности, послужила важным фактором аварии, а некоторые из лиц, входящих в группу, виновны не в дорожно-транспортном преступлении, а в убийстве с косвенным умыслом.

В третьем параграфе «*Мотивы и мотивация преступлений, связанных с причинением смерти*» рассматриваются личностные механизмы преступного поведения в проекции комплексного подхода (личностного (психологического) и уголовно-правового).

Соискатель, анализируя концепции ученых о механизме преступного поведения, придерживается точки зрения, согласно которой его причины имеют социальную обусловленность, а психологические факторы играют роль условий (при отсутствии психопатологии), при этом отсутствуют черты личности, которые с неизбежностью влекли бы совершение умышленного или неосторожного преступления, связанного с гибелью людей.

Опираясь на данные официальной статистики о мотивах совершенных преступлений, диссертант приходит к выводу о том, что в них находит отражение мотивация немногим более половины убийств (в 2018 году – 60,35%), при этом трудности, связанные с установлением намерений виновного, дополняются недостаточным вниманием к исследованию фактической мотивации деяния. Зачастую, когда мотив не очевиден, он либо не устанавливается, либо полностью увязывается с показаниями обвиняемого (мотивировкой), что влечет смягчение уголовно-правовой оценки: убийство квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, а последнее – как причинение смерти по неосторожности.

Анализ мотивации неосторожных преступлений, связанных с причинением смерти, показал, что в ней всегда участвуют мотивы, получившие в психологии деятельности название *экстринсивные мотивы* (обусловленные незаинтересованным исполнением обязанностей, невнимательностью). Сопоставляя научные данные с материалами конкретных уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными преступлениями, повлекшими смерть человека, автор отмечает, что в тех делах, где экстринсивные мотивы не установлены и при этом наблюдаются мотивы удовольствия, самовыражения, самоутверждения, присутствуют признаки косвенного умысла в отношении наступивших тяжких последствий.

В четвертом параграфе «*Гомицид и суицид: причинный комплекс*» исследуются обстоятельства, соорганизующие убийства и самоубийства в единый комплекс социальной патологии. Показывается, что недостаточное внимание в законотворческой и правоприменительной деятельности уделяется реальным факторам, обуславливающим их воспроизводство, что влечет крайне негативные последствия.

Увеличение числа детских самоубийств в законотворческой практике последних лет активно связывается с появлением так называемых «групп смерти», склоняющих подростков к суицидальному поведению посредством сети Интернет. Анализируя статистические данные о регистрации преступлений, предусмотренных ст. 110, 110¹, 110² УК РФ, сведения о судимости, а также следственно-судебную практику в Ростовской области, являющейся крупным субъектом Российской Федерации (с населением более 4 млн человек), автор приходит к выводу о том, что деятельность «групп смерти» является «ложной мишенью», позволяющей отвлечь внимание общества от объективных причин и избежать затратных профилактических мероприятий. Мониторинг материалов доследственной проверки по фактам суицидов и изучение работ психологов и социологов, посвященных анализу факторов суицидального поведения в современном мире, позволяют автору утверждать, что источниками суицидального поведения, в том числе детей и молодежи, являются внутренние причины современного общества: отчужденность отдельного человека, равнодушие друг к другу, неудовлетворенность своим положением, социальная фрустрация, огрубление нравов, агрессия и насилие, расслоение общества по материально-властным признакам.

В целом ряде случаев как самоубийство квалифицируются такие факты лишения человека жизни, которые ни по способу, ни по механизму воздействия для суицидов не характерны, что подтверждается не только очевидными обстоятельствами, но и выводами судебно-медицинских экспертов. Особенно часто это наблюдается при гибели лиц, содержащихся под стражей или проходящих службу в армии.

Глава пятая «**Проблемы предупреждения гомицидальных преступлений**» включает три параграфа, в которых раскрываются основные организационно-правовые и практические проблемы предупреждения гомицидальных преступлений, а также обозначаются пути повышения эффективности борьбы с ними. В первом параграфе «*Основные организационно-правовые аспекты предупреждения гомицидальных преступлений*» анализируется эффективность организации и правовой регламентации деятельности, связанной с предупреждением гомицида, при этом, в частности, отмечается значение норм с двойной превенцией. Критически оценивается вывод исследователей о том, что роль данных норм преувеличена, поскольку причинные комплексы тяжких и менее опасных преступлений на 69% совпадают¹. С таким выводом соискатель не согласен. То, что причинные комплексы разных групп преступлений во многом совпадают, вполне естественно. Вместе с тем если первый преступный дебют повлечет адекватное реагирование, то более тяжкое преступление может и не состояться. Именно в этом заключается неоспоримый профилактический потенциал норм с двойной превенцией. Ученые также отмечают слабую корреля-

¹ См.: Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / П.В. Агапов, Г.В. Антонов-Романовский, В.К. Артеменков и др.; под общ. ред. Р.В. Жубрина. М.: Проспект, 2016. С. 484–488.

ционную зависимость между регистрацией норм с двойной превенцией и тяжких насильственных преступлений. Однако автор, опираясь на статистические данные, утверждает, что причина заключается не в отсутствии объективной связи между динамикой этих деяний, а в существенном отличии особенностей организационно-правовой борьбы с ними. Так, фактическая декриминализация хулиганства в 2003 году привела к тому, что регистрируемая часть этого вида преступлений к концу 2004 года снизилась более чем в 5 раз (со 129,5 до 24,8 тыс. соответственно), а к началу 2019 года – более чем в 60 раз (в 2018 году зарегистрировано 2 091 преступление). Аргументируется предложение о возвращении в уголовный закон первоначальной редакции ст. 213 УК РФ, диспозиция которой была универсальной и охватывала широкий перечень общественно опасных действий. Своевременное и эффективное предупреждение таких преступлений всегда снижало и будет снижать вероятность совершения более тяжких посягательств.

Во втором параграфе *«Проблемы судебной практики предупреждения гомицидальных преступлений»* на основе анализа приговоров суда по ст. 105, ч. 4 ст. 111, 109, 110, ч. 3–6 ст. 264 УК РФ, а также профессионального мнения судей формулируются положения о том, что практика идет по пути усреднения сроков назначаемого наказания. В то же время 26% опрошенных санкцию за деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, считают излишне гуманной и не соответствующей характеру и степени общественной опасности содеянного. В еще большей мере отмеченное обстоятельство относится к санкциям за причинение смерти по неосторожности и квалифицированное убийство, на что указали 44 и 69% респондентов соответственно. Несмотря на такие оценки, решения, выносимые судьями, усиливают наблюдаемую диспропорцию.

Оценивая практику назначения наказания за убийство, 36% опрошенных назвали ее излишне гуманной, только 64% – справедливой, но при этом никто не ответил, что она строгая (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Наказание за квалифицированное убийство и причинение смерти по неосторожности 74 и 64% респондентов соответственно посчитали слишком мягким, а только 26 и 36% – справедливым. Относительно «мягкости» приговоров по ч. 2 ст. 105 УК РФ более половины судей (54%) свою позицию объяснили невозможностью реального применения наказания в виде смертной казни. Опрошенные в графе, предполагающей свободный ответ, указали на целесообразность повышения верхнего предела наказания в виде лишения свободы, увеличения максимального срока при сложении наказаний, установления абсолютно определенной санкции.

К иным причинам вынесения несправедливых приговоров соискатель относит: 1. Нарушение логики и последовательности в построении санкций за деяния, разные по степени общественной опасности, но имеющие одну направленность. 2. Необоснованное сужение возможности применения института необходимой обороны. 3. Чрезмерно гуманное отношение к лицу, преступившему закон, что наблюдается в том числе при анализе судебных решений о компенсации морального вреда. 4. Ряд положений уголовного закона и особенности

его толкования позволяют создавать более выгодное процессуальное положение для некоторых преступников. В результате к уголовной ответственности привлекаются в основном социально незащищенные слои общества, что, безусловно, подрывает конституционный принцип равенства всех перед законом.

В третьем параграфе *«Пути повышения эффективности предупреждения гомицидальных преступлений»* изучаются международные принципы и рекомендации по предупреждению преступлений, связанных с причинением смерти, научные труды зарубежных специалистов, посвященные данной проблеме, что позволило соискателю выделить наиболее приоритетные направления повышения эффективности такой работы в условиях современного мира. Обосновывается предложение о принятии национальной стратегии, в которой руководящее значение приобретают международные стандарты противодействия преступлениям, разрабатываемые ООН, Советом Европы и другими международными организациями.

Аргументируется точка зрения, согласно которой стремительное развитие цифровых технологий играет как положительную, так и отрицательную роль в предупреждении гомицида. Исследуя связь гомицида и информационной безопасности, соискатель отмечает, что высокие технологии в современном мире используются преступниками для широкого распространения идеологии насилия, экстремизма, терроризма, вовлечения в различные формы девиантного поведения (суицид, наркомания и пр.). Такая информация в сочетании с низким уровнем социально-экономической обустроенности населения, падением нравов в современном обществе способствует созданию атмосферы фрустрации, хаоса, эскалации криминального насилия и снижения ценности человеческой жизни. В связи с этим новые риски и угрозы для жизни людей следует прогнозировать и рассматривать в центре правовой модели предупреждения гомицида, опережать действия преступников. Такая работа пока недостаточно эффективна, в связи с чем соискатель считает, что для противодействия глобальным цифровым угрозам необходимы современные, адекватные, оперативные и результативные технологии, основанные в том числе на опыте зарубежных стран, осуществляющих более жесткий информационно-технический контроль сети Интернет.

Исследование внутрисистемной связи гомицида и иных форм насилия позволяет соискателю сделать вывод о том, что не отсутствие, например, специального закона о противодействии бытовому (семейному, гендерному) насилию препятствует спасению жизней женщин и детей, а разрушение системы нормативно-правового регулирования предупреждения насилия в российском обществе, состоящее в криминологически необоснованных законодательных решениях. В связи с этим необходимо вернуть в уголовное законодательство первоначальные редакции норм о побоях и хулиганстве.

Повышения уровня общественного доверия к уголовному правосудию, приобщения людей к активному участию в предупреждении преступности можно было бы добиться посредством принятия эффективных мер, направленных на признание и защиту жертв преступлений, оказание им надлежащей под-

держки и помощи. В ходе решения данного вопроса, по мнению соискателя, следует обратиться к опыту зарубежных государств, в которых цель обеспечения безопасности жизни человека ставится, несомненно, выше цели защиты прав и интересов правонарушителей, что имеет конкретное выражение, например, в ограничении имущественных и родительских прав, действия правила о «тяжкой фелонии» и теории причинно-следственных связей. Приоритет защиты прав и законных интересов потерпевших от гомицида должен превалировать над защитой прав преступников.

Многие государственные программы, обращенные к проблеме обеспечения безопасности жизни человека, пытаются решить ее, оставаясь в рамках узкого поля деятельности, что, по мнению соискателя, не позволяет достичь поставленной цели. Поэтому уже сейчас видится необходимым консолидировать усилия по повышению эффективности деятельности множественных субъектов, включенных в процесс предупреждения гомицида, объединить весь массив научных знаний для решения столь масштабной задачи, что можно осуществить в рамках национальной стратегии, назвав ее «*Предупреждение гибели людей в результате противоправных действий*». Формулируются цель и задачи стратегии, основные направления ее реализации, ожидаемые результаты и принципы работы, базирующиеся на проекте Глобального плана действий по борьбе с насилием, предложенного Всемирной организацией здравоохранения (2016 г.).

В **заключении** диссертации сформулированы основные выводы и результаты исследования, имеющие теоретическое и прикладное значение, направленные на исследование преступлений, связанных с причинением смерти, как отдельного криминологического феномена и повышение эффективности борьбы с ним.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

а) монография:

1. Стешич Е.С. Криминология гомицида. М.: Юрлитинформ, 2019. 496 с. – 34 п.л.

б) научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России:

2. Стешич Е.С., Корецкий Д.А. Европейские стандарты и российская криминальная действительность // Законность. 2006. № 1. С. 34–38 (0,6/0,3 п.л.).

3. Стешич Е.С. Ретроспективный анализ и концепция противодействия умышленным преступлениям против здоровья человека // Юристъ-Правоведь. 2012. № 5. С. 18–20 (0,5 п.л.).

4. Стешич Е.С. Проблемы раскрываемости тяжких преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 6. С. 56–58 (0,5 п.л.).
5. Стешич Е.С. Гомицидальная преступность как объект криминологического изучения // Закон и право. 2013. № 2. С. 69–73 (0,6 п.л.).
6. Стешич Е.С. Преступления, связанные с убийством, в классификационных моделях видов преступлений (возможность обособления) // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 6. С. 102–104 (0,5 п.л.).
7. Стешич Е.С. Криминальная смертность: истоки ошибок статистики // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 1. С. 66–71 (0,5 п.л.).
8. Стешич Е.С. Авария с тяжкими последствиями: неосторожное преступление или убийство? // Уголовное право. 2014. № 2. С. 74–77 (0,6 п.л.).
9. Стешич Е.С., Акопов В.И. Смертельное насилие (гомицид) через призму его судебно-медицинского определения // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 181–186 (0,6/0,5 п.л.).
10. Стешич Е.С. Установление личностных особенностей осужденных, виновных в причинении смерти по неосторожности // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 2 (63). С. 67–70 (0,5 п.л.).
11. Стешич Е.С., Корецкий Д.А. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла // Уголовное право. 2014. № 4. С. 37–41 (0,6/0,5 п.л.).
12. Стешич Е.С. Абсолютная ценность жизни как основа систематизации преступлений против нее // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 3 (41). С. 96–102 (0,6 п.л.).
13. Стешич Е.С. Ответственность за убийство в государствах общей и континентальной правовых семей (очерк сравнительного правоведения) // Общество и право. 2015. № 1. С. 104–109 (0,5 п.л.).
14. Стешич Е.С. Субъективная сторона преступлений против личности и ее объективизация // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1 (56). С. 13–16 (0,6 п.л.).
15. Стешич Е.С. Некоторые теоретические вопросы каузальности в преступлениях против жизни (философско-правовой аспект) // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 122–128 (0,6 п.л.).
16. Стешич Е.С. Гомицидальная преступность в аспекте европейских стандартов защиты прав человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 142–148 (0,7 п.л.).
17. Стешич Е.С. Объективное и субъективное в генезисе автотранспортных преступлений // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 75–80 (0,7 п.л.).
18. Стешич Е.С., Колкутин В.В. Охрана права на жизнь как высшей конституционной ценности в современной уголовно-правовой и судебно-медицинской экспертной практике: декларации и факты // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 37–45 (0,5/0,4 п.л.).

19. Стешич Е.С. Наркопреступления и гомицид // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 3 (53). С. 23–27 (0,6 п.л.).

20. Стешич Е.С. Причинно-следственные связи в судебной медицине и оценка их влияния на уголовную ответственность // Медицинская экспертиза и право. 2016. № 4. С. 32–37 (0,6 п.л.).

21. Стешич Е.С. Синергетический, ценностный и детерминистический подходы как основа комплексного исследования и системного анализа преступлений, связанных с убийством (гомицида) // Медицинская экспертиза и право. 2016. № 5. С. 16–22 (0,6 п.л.).

22. Стешич Е.С. Оценка человеческой жизни в преступлениях, связанных с убийством: проблемы и перспективы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 41–47 (0,6 п.л.).

23. Стешич Е.С. Сравнение личностных особенностей умышленных и неосторожных убийц // Прикладная юридическая психология. 2017. № 1 (38). С. 77–85 (0,6 п.л.).

24. Стешич Е.С. Виды, система и классификация преступлений, связанных с убийством // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 144–148 (0,6 п.л.).

25. Стешич Е.С. Мотив и мотивировка в умышленных преступлениях против жизни // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (48). С. 3–16 (0,6 п.л.).

26. Стешич Е.С. Акцентуации характера и преступное поведение (по данным исследования личности виновных в умышленном и неосторожном лишении жизни) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 29–35 (0,6 п.л.).

27. Стешич Е.С. Роль мотивации в уголовно-правовой и криминологической оценке неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 1 (63). С. 72–78 (0,6 п.л.).

28. Стешич Е.С. Предупреждение преступности: актуальные вопросы нормативного и организационного обеспечения // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3 (90). С. 47–53 (0,6 п.л.).

29. Стешич Е.С. Пути повышения эффективности предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти (гомицида) // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 46–51 (0,6 п.л.).

в) научные статьи, опубликованные в иных изданиях:

30. Надтока Е.С. Борьба с малозначительными преступлениями как способ ранней профилактики тяжкой преступности // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные ас-

пекты: материалы III Конгресса уголовного права (г. Москва, 28–30 мая 2008 г.). М.: Проспект, 2008. С. 446–449 (0,4 п.л.).

31. Надтока Е.С. Нетрадиционные оценки борьбы с преступностью // Донской юридический институт: ученые записки / под ред. Е.И. Дулимова. Ростов н/Д: ДЮИ, 2008. Т. 34. С. 248–251 (0,4 п.л.).

32. Надтока Е.С. Бланкетная диспозиция в нормах об уголовной ответственности за причинение вреда здоровью (актуальные вопросы применения) // Право и закон на современном этапе развития общества и государства: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Москва, 17–18 октября 2008 г.). М.: РУДН, 2008. С. 99–203 (0,3 п.л.).

33. Надтока Е.С. Цели уголовного наказания: криминологический подход // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Конгресса уголовного права (г. Москва, 28–29 мая 2009 г.). М.: Проспект, 2009. С. 76–81 (0,3 п.л.).

34. Надтока Е.С. К вопросу о стратегии борьбы с насильственной преступностью на современном этапе // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 29–30 января 2009 г.). М.: Проспект, 2009. С. 18–20 (0,3 п.л.).

35. Надтока Е.С. Значение судебно-медицинской экспертизы в установлении наличия, характера и механизма причинения повреждений при расследовании преступлений против личности // Насилие в Северо-Кавказском регионе: политические, криминологические, уголовно-правовые аспекты: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 29–30 сентября 2010 г.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2010. Ч. 1. С. 101–104 (0,3 п.л.).

36. Надтока Е.С. Судебно-медицинская экспертная деятельность в современном уголовном правосудии (организационный и правовой аспекты) // Медицина и право в XXI веке: материалы конференции (г. Санкт-Петербург, 1 июля 2010 г.) / под общ. ред. И.М. Акулина. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 112–116 (0,3 п.л.).

37. Надтока Е.С. Борьба с преступностью уголовно-правовыми средствами: состояние и перспективы // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (г. Москва, 26–27 мая 2011 г.). М.: Проспект, 2011. С. 582–586 (0,4 п.л.).

38. Стешич Е.С. Гомицидальная преступность как самостоятельный криминологический феномен // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: материалы II Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Ростов-на-Дону, 24–25 апреля 2013 г.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2013. С. 100–105 (0,3 п.л.).

39. Стешич Е.С. Защита личных благ человека в разрезе современных криминальных реалий // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 27 июня 2013 г.). Ч. 1: Юридические

науки. Правоохранительная деятельность. Воронеж: ВИ МВД России, 2013. С. 294–297 (0,3 п.л.).

40. Стешич Е.С. Судебно-медицинское исследование трупа как источник данных о криминальной смертности // Уголовный закон: проблемы правотворчества и перспективы совершенствования: материалы Всероссийского круглого стола (г. Иркутск, 25 апреля 2014 г.) / отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск: ВСИ МВД России, 2014. Вып. 5 С. 242–247 (0,3 п.л.).

41. Стешич Е.С. Критерии оценки деятельности органов внутренних дел и предупреждение насильственных преступлений // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2014. № 1. С. 93–98 (0,5 п.л.).

42. Стешич Е.С. Оценка субъективной стороны аварии с тяжкими последствиями // Демографическая безопасность современной России: политико-правовые механизмы обеспечения национальных интересов: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 октября 2013 г.). Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2014. С. 66–74 (0,3 п.л.).

43. Стешич Е.С. Систематизация преступлений против жизни: исследование подходов // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сб. науч. статей / под ред. Г.С. Працко, С.Н. Болдырева. М.: Вузовская книга, 2014. С. 647–651 (0,3 п.л.).

44. Стешич Е.С. Преступление против жизни или здоровья? (особенности разграничения) // IV Летние юридические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 28 июня 2014 г.). М., 2014. С. 70–73 (0,3 п.л.).

45. Стешич Е.С. К вопросу об основных детерминантах насильственных преступлений против личности // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы Всероссийского круглого стола (Иркутск, 20 марта 2015 г.) (посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) / отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск: ВСИ МВД России, 2015. Вып. 6. С. 161–166 (0,3 п.л.).

46. Стешич Е.С. Структура гомицида и виды гомицидальных преступлений // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета: в 2 т. Ростов н/Д: ЮФУ, 2015. Т. 2. С. 269–271 (0,4 п.л.).

47. Стешич Е.С. Ответственность за «опасное вождение»: нужны ли реформы? // Актуальные вопросы права и отраслевых наук. 2015. № 1 (1). С. 18–23 (0,6 п.л.).

48. Стешич Е.С. Методологические основы познания каузальности в преступлениях, связанных с убийством // Современные парадигмы юридической науки: взаимодействие традиций и инновационные подходы (70-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается): материалы Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 14 мая 2015 г.). Ростов н/Д; М.: РГУП, 2016. С. 37–47 (0,3 п.л.).

49. Стешич Е.С. Влияние особенностей организма потерпевшего на квалификацию преступлений, связанных с убийством // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXI Международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск: ВСИ МВД России, 2016. С. 153–159 (0,3 п.л.).

50. Стешич Е.С. К вопросу об основных направлениях криминологического изучения гомицидальной преступности // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т. Краснодар: КрУ МВД России, 2016. Т. 1. С. 364–369 (0,3 п.л.).

51. Стешич Е.С. Проблемы гомицидальных преступлений // Преступность, уголовная политика, закон. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2016. С. 53–59 (0,7 п.л.).

52. Стешич Е.С. Некоторые вопросы охраны жизни и интересов потерпевших от смертельного насилия (гомицида) в уголовном законодательстве и судебной практике (по материалам анкетирования судей) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII Международной научно-практической конференции. М.: Проспект, 2016. С. 602–605 (0,4 п.л.).

53. Стешич Е.С. Системное свойство преступности и его значение в противодействии криминальному насилию // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. Мн.: Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2016. Т. 2. № 9. С. 287–293 (0,3 п.л.).

54. Стешич Е.С. Возмещение морального вреда за преступное насилие и европейские стандарты прав человека // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе [Электронный ресурс]: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции (г. Волгоград, 12–13 мая 2016 г.) / отв. ред. В.И. Третьяков. Волгоград: Бланк, 2016. С. 353–360 (0,3 п.л.).

55. Стешич Е.С. Особенности законодательного регулирования обеспечения безопасности дорожного движения в современных условиях // Проблемы противодействия преступности в сфере дорожного движения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (г. Орел, 16 октября 2015 г.) / редкол.: А.Н. Подчерняев и др. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. С. 87–91 (0,3 п.л.).

56. Стешич Е.С. Оправдано ли смягчение терминологии в УК РФ? // Актуальные вопросы науки и практики: сборник научных трудов. Ставрополь: Секвойя, 2017. С. 188–193 (0,3 п.л.).

57. Стешич Е.С. Проблема соотношения правовой и судебно-медицинской оценки тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 1 (80). С. 56–65 (0,5 п.л.).

58. Стешич Е.С. Мотивация дорожно-транспортных преступлений // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения

(состояние, проблемы, пути совершенствования): сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции (г. Орел, 20–21 апреля 2017 г.) / редкол.: Ю.Н. Калюжный и др. Орел: ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2017. С. 352–356 (0,3 п.л.).

59. Стешич Е.С. Гомицидальная преступность в системе уголовно-правовых средств обеспечения безопасности личности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 26–27 января 2017 г.). М., 2017. С. 661–665 (0,4 п.л.).

60. Стешич Е.С. Некоторые дискуссионные вопросы классификации убийств // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Е.В. Безручко. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 129–133 (0,3 п.л.).

61. Стешич Е.С. Аномия и правовой нигилизм как интегративные факторы преступлений, связанных с убийством // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: сборник межвузовской научно-практической конференции (г. Иркутск, 28 апреля 2017 г.) / отв. ред. Р.А. Забавко. Иркутск: ВСИ МВД России, 2017. С. 208–217 (0,3 п.л.).

62. Стешич Е.С. Подходы к методологии изучения преступлений, связанных с убийством // Право.ру. 2017. № 1 (45). С. 115–121 (0,7 п.л.).

63. Стешич Е.С. Факторы, влияющие на оценку уровня криминальной смертности // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 15 сент. 2017 г.): в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага и др. Краснодар: КрУ МВД России, 2017. Т. II. С. 26–30 (0,4 п.л.).

64. Стешич Е.С. Современное состояние уголовной политики в отношении неосторожных преступлений, связанных с лишением жизни // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV Международной научно-практической конференции. М.: РГ Пресс, 2018. С. 210–213 (0,4 п.л.).

65. Стешич Е.С. Основные организационно-правовые проблемы предупреждения преступлений, связанных с убийством // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. С. 38–39 (0,3 п.л.).

66. Стешич Е.С. Группы смерти: миф или реальность? // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел // Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы [Электронный ресурс]: сборник научных трудов II Международной конференции им. В.Я. Кикотя (г. Москва, 6–7 июня 2018 г.). М.: МУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. С. 517–521 (0,3 п.л.).

67. Стешич Е.С. Проблемы предупреждения преступлений, связанных с причинением смерти (гомицида) // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: материалы Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2018. С. 97–103 (0,4 п.л.).

68. Стешич Е.С. Предупреждение суицидального поведения в контексте вопросов информационной безопасности (ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 131–135 (0,4 п.л.).

69. Стешич Е.С. Гомицид и иные формы насилия. Криминологическая обусловленность уголовной политики // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: материалы Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2019. С. 276–280 (0,4 п.л.).

70. Стешич Е.С. Статистика преступлений, связанных с причинением смерти (гомицидом), в аспекте их предупреждения // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 64–68 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 15.11.2019. Печ. л. 2,5.
Тираж 140 экз. Заказ 943.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.